

— Мне сказали, что ты меня зовёшь, — быстро сообразив, как выкрутиться, Мао Сяофэй открыто посмотрел на Му Цаньшана.

Му Цаньшан на мгновение растерялся и нахмурился:

— Я тебя не звал.

— Тогда я пойду, — с облегчением выдохнул Сяофэй.

В последнее время он сам не понимал, почему так боится лишний раз столкнуться с молодым генералом. Мало того, что при одном его виде пониже спины начинало как-то подозрительно ныть, так ещё и в памяти упрямо всплывал тот столичный хлыщ, которого Му Цаньшан притащил в лагерь. Стоило вспомнить этого красавчика, как на душе становилось паршиво, а по телу разливалось сосущее чувство собственного ничтожества. Ощущение было из противных.

Но стоило Сяофэю повернуться к выходу, как его бесцеремонно сгребли в охапку. Му Цаньшан прижал его к себе со спины, положил подбородок ему на плечо и с каким-то озадаченным видом ткнулся губами в ухо и висок.

Сяофэй попытался разжать замок из чужих пальцев у себя на животе, но куда там — с железной хваткой генерала было не совладать. Густо покраснев, он хрипло выдавил:

— Генерал Му, что вы делаете?

Му Цаньшан смотрел на него сверху вниз. С этого ракурса ему была видна лишь аккуратная линия прямого, чуть вздёрнутого на конце носа и загнутые кончики ресниц, которые словно щекотали его собственное сердце. Дыхание генерала стало горячим:

— Где ты пропадал вчера ночью? Почему не пришёл?

— Слыхали мы ваши приказы, генерал, — усмехнулся Сяофэй. — Разве в ваш шатёр пускают кого попало?

Он прекрасно помнил, как в тот день Му Цаньшан вернулся с гостем и застал его, Сяофэя, выходящим из командирских покоев. Тот секундный взгляд генерала — растерянный и досадливый — врезался ему в память намертво. Тогда-то Сяофэй и понял: этот благородный господин напрочь забыл, что в его постели кто-то остался ждать. Глупо получилось, унижительно. Повторять этот позор Сяофэй не собирался.

— Я просто... не хотел, чтобы нас увидели. Слухи в лагере ни к чему, — торопливо попытался оправдаться Му Цаньшан.

— Ну ещё бы. Если увидят, как простой птичник спозаранку крадётся из генеральского шатра, такого навоображают — вовек не отмоешься, — съязвил Сяофэй.

Он всё ещё помнил смазливую мальчишку-слугу, крутившегося возле Му Цаньшана. Раньше Сяофэй и подумать не мог, что генерал предпочитает мужчин, но теперь, когда всё тайное стало явным, его мысли невольно возвращались к этому юноше.

Му Цаньшан не нашёлся что ответить. Вместо этого он молча подхватил Сяофэя на руки.

Тот едва сдержал испуганный вскрик. Орать во весь голос было нельзя: если его подозрения верны и кто-то нарочно выманил его сюда, чтобы поймать на незаконном проникновении, то сообщники наверняка притаились неподалёку, выжидая удобного момента.

Его бесцеремонно швырнули на постель. Оказавшись прижатым тяжёлым телом генерала, Сяофэй прерывисто задышал, глядя в лицо над собой. Если забыть про загар, Му Цаньшан был умопомрачительно красив — особенно сейчас, так близко.

Сяофэй глубоко вдохнул, на мгновение зажмурился и, открыв глаза, спросил:

— Что вы творите?

Вместо ответа Му Цаньшан прильнул к его шее. Сяофэй наотмашь вlepил ему ладонью по лицу. Удар вышел слабым — будь у генерала желание, он бы легко уклонился, но он безропотно принял пощёчину. Му Цаньшан приподнялся и хмуро уставился на него:

— Ты ведь тоже соскучился. Я же чувствую.

С этими словами он ощутимо прижался бедром к его паху.

Смотреть вниз не требовалось — Сяофэй и так всё понимал. Прежде он только и думал, как заработать на кусок хлеба, и заползал в постель настолько выжатым, что на плотские утехы сил не оставалось вовсе. Разве что изредка случались ночные конфузы, сам же он со своей плотью никогда не баловался. Но генерал разбудил в нём это дремлющее желание. Хоть в ту безумную ночь Сяофэй мало что соображал от хмеля, его тело всё прекрасно запомнило и теперь мгновенно отозвалось на чужое прикосновение.

Горячая ладонь скользнула по рёбрам Сяофэя к его узкой талии, намереваясь забраться пониже спины.

Сгорающий от стыда Сяофэй отчаянно задержался:

— погоди! Стой!

— Чего ждать? — недоуменно спросил Му Цаньшан, но руку убрал.

— С чего вдруг ты вернулся посреди дня?

— Доложили об экстренном донесении из штаба.

— И где этот вестник?

— Ушёл сразу, как передал слова. Но если я снова его увижу, прикажу взять под стражу.

Особой злости на лице генерала не читалось. Он склонился и мягко поцеловал Сяофэя в лоб, шумно сглотнув. До той памятной ночи Му Цаньшан не знал мужчин и поначалу дичился, упиравшись до последнего, прежде чем разделить с Сяофэем ложе. Но, вкусив запретный плод раз, он уже не мог остановиться. Для пылкого юноши из благородного рода Му, скованного рамками строгой морали и семейной гордости, плотское воздержание сделалось невыносимой пыткой. Последние ночи напролёт ему снилось, каким бесстыдно податливым и страстным бывал в его объятиях этот разбойник. И теперь, когда желанный гость лежал перед ним, совладать с собой было выше его сил.

— Пусти... Хватит... Му Цаньшан... — Сяофэй задыхался под натиском поцелуев.

Его пояс уже валялся на полу, и даже сквозь тонкую ткань нательной рубахи он чувствовал жар чужих ладоней. Сяофэй невольно выгнулся навстречу этим прикосновениям. Му Цаньшан бережно придержал его за затылок, покрывая поцелуями шею.

Тихий хриплый стон, сорвавшийся с губ Сяофэя, окончательно лишил генерала рассудка. Му Цаньшан настойчиво раздвинул его бёдра, пытаясь стащить штаны. Сяофэй попробовал оттолкнуть его, но Му Цаньшан перехватил его запястья и прижал их к подушке над головой.

Юноша смотрел в упор тёмными, лихорадочно блестящими глазами, заставляя сердце Сяофэя испуганно и сладко сжиматься. Никто и никогда не желал его так открыто и яростно. Но в этой грубой настойчивости не было ни капли пошлости: когда прохладные губы генерала касались кожи, Сяофэю казалось, будто тот преклоняется перед его простым, не знавшим роскоши телом.

Он слегка прикусил его за плечо, и по телу Сяофэя пробежала горячая дрожь.

Вдруг у входа в шатёр шорохнуло. Сяофэй среагировал мгновенно — рванулся и изо всех сил толкнул Му Цаньшана в грудь, свалив его на пол.

Генерал ошарашенно застыл на земляном полу.

У порога стоял тот, кого Сяофэй желал видеть меньше всего на свете. Лицо птичника мгновенно вспыхнуло пунцовой краской, затмив весь прежний румянец.

Незванный гость красовался в расшитом серебром парчовом халате, его тёмные волосы были аккуратно заколоты дорогой нефритовой заколкой. На красивом, бледном, точно выточенном из нефрита лице блуждала едва заметная вежливая улыбка.

— Цыхун, — нахмурился Му Цаньшан, спешно поднимаясь на ноги. На его лице отразилось явное замешательство.

Сяофэй, не поднимая глаз, лихорадочно запахивал ворот и поправлял растрёпанные волосы. Едва он успел встать, как услышал негромкий голос генерала:

— Ступай пока.

Сяофэй не заставил себя ждать. Не глядя ни на кого, он вихрем вылетел наружу. Он бежал без оглядки, пока не миновал палатки новобранцев, и остановился лишь у коновязи на окраине лагеря.

Краска схлынула с его лица, сменившись мертвенной бледностью. Шум, поднявшийся в ушах при виде Кан Цыхуна, утих, остался лишь свист холодного ветра.

Сяофэй тяжело, прерывисто вздохнул. Кончики пальцев коснулись шеи — чуть выше ключицы была свежая, саднившая ссадина от зубов.

«И о чём я только думал?» — ужаснулся он про себя. Если бы не этот Цыхун, они бы с генералом... И ведь даже условий никаких не выставил! Похоть разум затмила, не иначе.

Досадуя на собственную глупость, Сяофэй зашагал обратно к своей лачуге.

Маленький Фу Дун лежал на кровати, свернувшись плотным клубочком под одеялом. Сяофэй осторожно прилёг рядом, прижал к себе тёплое детское тельце и прикрыл глаза. Постепенно бешено колотившееся сердце успокоилось.

Сон сморил его до самых сумерек. Когда он открыл глаза, в комнате стояла глухая, непроглядная темень.

Мальчик безмятежно спал.

Голова после сна раскалывалась. Сяофэй поднялся, чтобы зажечь светильник. Он вслепую повёл рукой по столу в поисках огнива и вдруг наткнулся на чужую, холодную ладонь. От неожиданности он отпрянул назад и неловко плюхнулся обратно на постель.

Фитиль наконец нехотя разгорелся, разогнав мрак.

Сяофэй ошарашенно уставился на сидевшего за столом Му Цаньшана. Лицо птичника перекосило от злости, ругательства уже готовы были сорваться с языка, но, вспомнив про спящего ребёнка, он сдержался, молча указал генералу на дверь и вышел первым.

Дверь за ними тихо затворилась.

— Зачем пришёл? — хмуро спросил Сяофэй, уводя гостя подальше от жилища.

— Собираешься оставить этого мальчишку у себя? — спросил Му Цаньшан.

— Не твоё дело, — раздражённо буркнул Сяофэй и взъерошил волосы. — Говори, зачем явился, и проваливай.

В его голосе сквозило откровенное недовольство.

— Я не знал, что Цзыхун ввалится без предупреждения. Меньше всего мне хотелось, чтобы тебя кто-то видел в таком состоянии... Я просто...

— Генерал Му, — Сяофэй поднял ладонь, призывая его к молчанию. Он повернулся к юноше. На его лице не осталось и следа от привычной наглой ухмылки — только бесконечная, выматывающая усталость. — Давай закроем тему. Если ты пришёл только ради этого разговора, то лучше уходи.

Му Цаньшан промолчал. Сяофэй круто развернулся, чтобы уйти, но генерал крепко ухватил его за плечо и притянул к себе, стиснув в объятиях. Он не разжимал рук, упрямо глядя сверху вниз:

— Зачем ты приходил ко мне в тот день? О чём хотел поговорить?

Силой Сяофэй тягаться с ним не мог. Пару раз дернувшись для приличия, он затих, лишь горько усмехнулся:

— А тебе не всё равно? Тогда ты меня и на порог пускать не хотел, мариновал у входа. С чего вдруг такое любопытство?

— Я просто хотел, чтобы ты побыл со мной подольше.

Сяофэй опешил.

— Ты ведь ни разу не навестил меня после возвращения. И когда ты наконец пришёл сам, я не нашёл ничего лучше, кроме как помучить тебя расспросами. Лишь бы ты оставался рядом.

Му Цаньшан немного отстранился, но его пристальный, обжигающий взгляд заставил Сяофэя смутиться. Птичник поспешно отвёл глаза, чувствуя, как к горлу подступает жар:

— Ты совсем не такой, каким тебя малюют слухи.

— Какой есть, — негромко ответил Му Цаньшан.

Сяофэй потёр горящие уши и перевёл дух. Только теперь он решился взглянуть на генерала. Вся эта сцена казалась ему нелепой — будто тайное свидание деревенских влюблённых на задворках. И неловко, и щекочет нервы.

— Я ведь действительно по делу приходил.

— Кто бы сомневался. Без дела ты ко мне носа не кажешь, — с тихой досадой отозвался Му Цаньшан.

От этой неприкрытой обиды в его голосе Сяофэю стало не по себе. Он недовольно скривился:

— Ты же сам твердил, что нам не стоит светиться вместе, чтобы не позорить твоё честное имя. Вот я и решил блюсти приличия.

Генерал промолчал, лишь продолжал пожирать его глазами. Под этим тяжёлым взглядом Сяофэю стало неуютно, и он заговорил быстрее, стараясь перевести тему:

— Мне нужно оставить мальчишку у себя. Если кто-то из офицеров побежит к тебе жаловаться, ты... прикроешь меня?

— И долго ты собираешься с ним возиться?

— В смысле — долго? — Сяофэй удивлённо моргнул. — Отец — это на всю жизнь. Разве можно им побыть на полставки?

— Не хочу, чтобы ты был ему отцом, — после долгого молчания нехотя выдавил Му Цаньшан.

— Это ещё почему? Тебе-то какое дело? Мы и видимся-то от силы пару раз в месяц, уж точно не при нём. Да и куда мне его девать? Лагерь черт-те где, до ближайшего жилья пешком неделю топать. Да и не хочу я его отдавать. Я назвал его сыном, значит, так оно и будет.

Сяофэй не стал распространяться о том, как ему жаль сироту. Глянцевый мир столичных господ был далёк от них. Глядя на этого брошенного ребёнка, он видел собственное голодное детство. Присутствие Му Цаньшана лишало его привычной уверенности. Всё вокруг стремительно менялось, и это пугало его — он привык сам править своей уютной лодкой, а тут его несло по какому-то бурному течению.

— Хорошо. Тогда... я тоже попробую считать его сыном. Скверный у него характер, колючий, но я постараюсь. Позже обучу его верховой езде и стрельбе из лука.

Му Цаньшан мягко привлёк его к себе за талию. Будучи выше ростом, он склонился к самому уху Сяофэя, любуясь тем, как мочка снова заливается густой краской.

— Не нужно... — начал было Сяофэй, но осёкся.

Му Цаньшан властно перехватил его подбородок и поцеловал — жадно, горячо, не давая опомниться. Сяофэй почувствовал, как колени предательски подгибаются.

Когда их губы наконец разомкнулись, он поспешно оттолкнул генерала. Тяжело дыша, постоял немного, глядя под ноги, и глухо выговорил:

— Тебе пора. Не хватало ещё, чтобы нас застукали.

Му Цаньшан сделал шаг вперёд, Сяофэй тут же отступил на два.

Тогда генерал крепко сжал его плечи и негромко, но твёрдо произнёс:

— Настанет день, и ты сам захочешь остаться со мной.

Он, скрытый чёрным военным плащом, растворился в ночной тьме. Сяофэй вытер горящие губы тыльной стороной ладони и растерянно замер. В напористости Му Цаньшана сквозила та же дикая уверенность, с какой он прорывался сквозь заслоны варваров — если он наметил цель, то пойдёт напролом. События летели слишком быстро, врываясь в его жизнь безумным, неуправляемым вихрем. И всё же в глубине души, вопреки страху, шевельнулось робкое предвкушение.

«Если однажды он и вправду начнёт учить мальчишку стрелять и держаться в седле... что тогда буду делать я?» — подумалось ему. Наверное, просто готовить им нехитрую еду, следить, чтобы оба были сыты, обуты и согреты. Заботиться о них.

В памяти вдруг отчётливо воскрес один ненастный вечер. Старый нищий, привалившись к подножию полуразрушенного идола в заброшенном храме, лениво щурил мутные глаза. Прижимая к губам пустую флягу, он делал вид, будто пьёт лучшее вино, и неторопливо наставлял маленького Сяофэя:

«Вся наша жизнь, малец, сводится к простой одежке да миске похлёбки. Большого человеку и не надо».

Простому человеку действительно нужны лишь кров и сытость. Лишившись сомнительной чести зваться княгиней-консортом, Сяофэй без сожаления вернулся к привычной доле бедняка.

Сяофэй горько усмехнулся своим мыслям и покачал головой, возвращаясь в хижину. С какой стати такому высокородному господину, как Му Цаньшан, делить с ним скудный крестьянский быт? Вся эта генеральская пылкость — лишь от скуки. В глухом лагере, где отродясь не видели женщин, любой истоскуется по ласке.

Эта трезвая мысль подействовала на него как ушат ледяной воды. Сяофэй мигом растерял остатки глупых мечтаний, и на душе у него наконец воцарился привычный покой.

Слабый огонёк свечи выхватил из темноты лицо мальчика. Кожа у него была неестественно багровой. Сяофэй собирался разбудить найдёныша и покормить, но, приглядевшись, похолодел. Он приложил ладонь ко лбу Фу Дуна — и его обдало таким жаром, что у него зашло сердце. Мальчик горел как в огне.

Сяофэй принялся тормошить его, звать по имени, но ребёнок не реагировал, лишь глухо стонал в полузабытьи. Стиснув зубы, Сяофэй отыскал крепкие холщовые завязки, примотал мальчишку к своей спине и бросился вон из хижины — искать лагерного лекаря.

<http://bllate.org/book/18429/1862744>